

Е.А.БАРАТЫНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Fanning

1800—1844

Е.А.БАРАТЫНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
„Детская литература“
1989

ББК 84Р1

Б24

Тексты печатаются по изданию:
Е. А. Баратынский. Стихотворения.
Поэмы.— М.: Наука, 1982.

Составление, предисловие и примечания
П. А. Стеллиферовского

ХУДОЖНИК
Ю. ИГНАТЬЕВ

Б $\frac{4803010101 \quad 556}{M101(03)-89}$ 099—89

ISBN 5—08—000912 8

© Стеллиферовский П.
Составление, предисловие, примечания. 1989
Игнатъев Ю. Иллюстрации. 1989

скан ewgeniq-new

ОРИГИНАЛЕН — ИБО МЫСЛИТ

«Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит г. Баратынскому». Не исключено, что эти слова несколько удивят кого-то из нас, читателей конца XX века, открывающих — может быть, впервые? — книгу стихов давно жившего поэта. Конечно, авторитет взыскательного Белинского, которому они принадлежат, высок, но все-таки вдумайтесь: п е р в ы й после Пушкина, чье имя давно стало эталоном правды и таланта в литературе. Не слишком ли смелое утверждение?

Сам Пушкин подтверждает, что нет. И лучше, чем он, никто об этом, пожалуй, не сказал: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого, хоть несколько одаренного вкусом и чувством».

Может быть, и Пушкин не всех убедил — ведь так давно это было? А вдруг в его суждениях перевесила долгая и крепкая любовь к близкому другу и собрату по музам? Что ж, давайте решать самостоятельно: книга перед нами — надо лишь начать... Но скажу сразу: чтение легким не будет, хотя Баратынский большой мастер слова. Дело в том, что его произведения не совсем привычны. Их автор — поэт-философ, или, как говорили в старину, «поэт

мысли». Делясь с читателями откровениями своей поэтической философии, Баратынский требует истинного творчества, ответной работы ума и сердца. Не сразу открывается напряженный мир его дум и переживаний. Не вдруг ощущаешь высокую и трагичную красоту глубоко выстраданных стихов.

Но происходит это, и ты уже не можешь бесстрастно отложить книгу в сторону. «Читая Баратынского, — будто бы специально для нас говорил полтора столетия назад Белинский, — забываешь о поэте и тем более видишь перед собою человека, с которым можешь не соглашаться, но которому не можешь отказать в своей симпатии, потому что этот человек, сильно чувствуя, много думал... Мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека — предмет вечно интересный для человека».

Многие высокие умы России ценили поэзию Баратынского. При жизни — Пушкин, Жуковский, Рылеев, Кюхельбекер, Дельвиг, Вяземский, Иван Киреевский, Гоголь, Владимир и Александр Одоевские... Позже — Тургенев, Лев Толстой, Бунин, Блок, Брюсов, Есенин, Горький... Труд Баратынского вдохновлял видных советских мастеров слова более близкого к нам времени.

Не менее любим поэт и сейчас, в конце XX столетия. Он дорог и интересен нам бесстрашием своей мысли и высотой чувств, человечностью и поэтической честностью, непримиримостью к подражательству. И не только творческому. В жизни и в поэзии Баратынский всегда шел, по слову Пушкина, «своею дорогой один и независим», требуя от себя и других незаемности чувств, мыслей, слов, поступков. Вызывает глубокое уважение его тщательная работа над стихом, многократное возвращение к написанному, переделка опубликованного.

Если вдуматься, эти качества человеческого и поэтического таланта Баратынского, его постоянный поиск истины, жажда правды и красоты на удивление созвучны нашему времени.

Евгений Абрамович Баратынский прожил сравнительно короткую — всего 44 года — и небогатую внешними событиями жизнь. Познал и радости, и обиды, и горечь утрат, и счастье обретений, сладость и тяжесть поэтического вдохновения и заботы повседневного труда во имя близких. Жил скромно, сдержанно, порядочно, не изменяя себе и выполняя свой долг — гражданина, поэта, семьянина.

Он родился 7 марта (19 — по новому стилю) 1800 года* в небольшом поместье Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Детство было счастливым. Маленький Бубинька, как ласково называли его родные, рос в дружном семейном кругу. Живо впитывал неспешные впечатления деревенского бытия, чутко откликался на доброту и заботу. С ранних лет накрепко привязался к родному краю, часто потом приезжал сюда, в разные минуты жизни нередко мысленно обращался к «родным степям» и «дубравам мирным» и навсегда сберег в сердце свою «начальную любовь» к местам детства.

Мальчику едва минуло десять лет, как умер его отец, отставной генерал-лейтенант Абрам Андреевич Баратынский. Семейные тяготы легли на плечи Александры Федоровны, матери будущего поэта, оставшейся с семьей маленькими детьми. В результате ее хлопот Евгений, старший сын, был по высочайшему указу зачислен в Пажеский корпус, одно из самых престижных военно-учебных заведений того времени. Его ожидала блестящая карьера, но жизнь распорядилась иначе.

Поначалу, искренне желая заслужить одобрение воспитателей и стремясь оправдать надежды матери, мальчик прилежно учился, отличался примерным поведением. Он много читал, занимался переводами с французского, который хорошо знал с самого детства, увлекался математикой и рисованием. Но Пажеский корпус не Царскосельский лицей, где в то время учились будущие друзья поэта — Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер. Здешние преподаватели оказались людьми педагогически неподготовленными, а зачастую и малообразованными. По отзывам воспитан-

* По другим сведениям, дата рождения поэта — 19 февраля.

ников, они не имели ни времени, ни желания всерьез заниматься своим делом и ограничивались «внешним соблюдением форм и приемов», довольствуясь «безотчетным послушанием страха ради». Не обрел Баратынский и того дружеского круга, что сложился у лицестов.

Тоскуя по дому и начитавшись романов о благородных разбойниках, впечатлительный подросток составил «Общество мстителей», проделки которого, в общем не выходявшие за рамки детских шалостей, естественно, не понравились начальству. Одна из них оказалась действительно серьезным проступком, и Баратынского исключили из корпуса и отдали родственникам. Ему было запрещено поступать на государственную и военную службу, разве только «попроситься в солдаты». По понятиям того времени, такая неопределенность общественного положения означала для дворянина практическое лишение гражданских прав. За вину подростка должен был долгие годы расплачиваться взрослый человек. Случившееся круто переменяло всю жизнь Баратынского и наложило тяжелый отпечаток на его дальнейшую судьбу.

Прошло почти три года мучительных переживаний. Потеряв надежду на скорое прощение, о котором хлопотали родственники и знакомые семьи, осенью 1818 года Баратынский вновь приехал в Петербург и через несколько месяцев поступил рядовым в лейб-гвардии Егерский полк, расквартированный в столице.

Он приехал, по собственному выражению, «с мадригалом в кармане», ощущая в себе бурно зреющий поэтический дар. В одном из отроческих писем к матери неудавшийся паж, рассуждая о смысле жизни и назначении человека, признавался: «...Я больше всего люблю поэзию. Я очень бы хотел быть автором». С годами эта любовь нарастала, но ей не хватало дружеской и творческой питательной среды. И вот теперь Баратынский, познакомившись с лучшими столичными литераторами, наконец-то обрел единомышленников. Особенно тесно он сошелся с недавними лицеистами, которые приняли его в свой «союз поэтов» и стали верными друзьями.

Дворянское звание и положение вольноопределяющегося освобождали Баратынского от ряда тягот солдатской службы, которая отнимала сравнительно немного времени. Пользуясь правом жить на частной квартире, он

поселился вместе с Дельвигом. Бывал на поэтических «средах» Жуковского и «субботах» Плетнева. С Пушкиным и Дельвигом посещал заседания общества «Зеленая лампа», литературного филиала декабристского «Союза благоденствия».

В самом начале 1819 года в журнале «Благонамеренный» появляется несколько его стихотворений. Еще две три публикации, и имя Баратынского становится известным. Лучшие журналы и альманахи стремятся заполучить его произведения, критики дружно хвалят оригинальный талант. В январе 1820 года Баратынского избирают членом-корреспондентом, а через год с небольшим действительным членом «Вольного общества любителей российской словесности». «Не знаю, — заметит позже он об этом времени, — удачны ли были опыты мои для света; но знаю наверно, что для души моей они были спасительны».

Вскоре Баратынский испытал новый «судьбы переворот». 4 января 1820 года он произведен в унтер-офицеры, но не оставлен в гвардии, а переведен в Нейшлотский пехотный полк, расквартированный в Финляндии. Казалось бы, добрый знак: началось продвижение по службе, конечная цель которого — офицерский чин, дающий общественное положение и свободу выбора. Но современники поняли истинный смысл перемен. Нарушение порядка производства (при переводе из гвардии в армию обычно присваивался внеочередной чин) и удаление из столицы в глухую провинцию были не признаками скорого прощенья, но недовольства поведением молодого человека, находившегося «на замечании».

В одном из доносов его стихи упомянуты в числе неблагонадежных, а сам он вместе с товарищами обвинен в желании «блеснуть своим неуважением правительства». Южная ссылка Пушкина и финляндское изгнание Баратынского стали звеньями одной цепи. Именно поэтому Герцен позже назвал имя поэта среди тех, кто «осмелился поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром».

Лишь весной 1825 года после многочисленных прошений и ходатайств пришло долгожданное избавление. Получив офицерский чин, Баратынский вышел в отставку и поселился в Москве. В июне 1826 года он женился на Анастасии Львовне Энгельгардт, ставшей ему не только

доброй женой, но и умелой помощницей в литературных делах.

Живя в Москве, Баратынский попытался еще раз обелить себя в глазах правительства и поступил на службу в Межевую канцелярию. Но хватило его ненадолго. Еще в 1825 году, находясь в Финляндии, поэт признавался своему сослуживцу и другу Н. В. Путяте: «Не рожден я для службы царской». Вот и теперь сообщал ему: «Не гожусь я ни в какую канцелярию...» Примерно тогда же он писал И. В. Киреевскому, с которым подружился в Москве: «Пора мне приняться за перо: оно у меня слишком долго отдыхало. К тому же чем я более размышляю, тем тверже уверяюсь, что в свете нет ничего дельнее поэзии». Это уже окончательный — на всю жизнь — выбор своей судьбы, ибо, как твердо заявил Баратынский в одном из писем, «настоящее место мое в мире поэтическом».

Ко времени переезда в Москву Баратынский был уже вполне сложившимся поэтом, известным не только кругу друзей, но и широкой публике. Его перу принадлежали ставшие знаменитыми элегии «Разуверение», «Ропот», «Уныние», «Дельвигу», «Две доли», «Безнадежность», «Истина», «Признание», «Череп», которые принесли их автору, по выражению Пушкина, титул «нашего первого элегического поэта». За создание стихотворения «Финляндия» современники нарекли его «певцом Финляндии».

Естественно, что в начале творческого пути Баратынский учился у предшественников. В ранних произведениях «Певца Пиров и грусти томной», как назвал его Пушкин в третьей главе «Евгения Онегина», чувствуется близость русских и французских элегиков конца XVIII — начала XIX века, слышны отзвуки державинской лиры, видна дружба с музой Жуковского и Батюшкова. Но лишь немногие литературные традиции и веяния находили отклик в стихах Баратынского — он брал у других только свое.

Уже в первых стихотворениях Баратынский заявил о себе как о самобытном поэте философского склада. Элегии, дружеские послания, поэмы, эпиграммы, прозаические опыты — какой бы темы ни касалось его перо, в какую бы форму ни облакал он свое слово, на всем лежал отпечаток углубленного раздумья о мире и человеке в нем. За каждым фактом, событием Баратынский стремился

увидеть закономерность, из частного явления сделать всеохватный вывод. На глазах у читателей традиционные элегические ситуации, своего рода поэтические штампы, получали одновременно конкретное психологическое и обобщенное философское истолкование. Это делало лучшие произведения Баратынского маленькими исследованиями с афористическими заключениями.

Счастливы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.
«К-ну», 1820

Не вечный для времен, я вечен для себя...
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
«Финляндия», 1820

Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
«К...ну», 1821

Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен.
«Уныние», 1821

Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.
«Признание», 1823

Баратынский принадлежал к поэтам романтического направления, выразившего остроту драматических перемен русской жизни в первой трети XIX столетия. Отечественная война 1812 года и рост самосознания победившего народа, создание тайных обществ, объединявших лучшие умы и сердца нации, надежды на политическое, экономическое и духовное раскрепощение страны — вот что рождало тогда новые идеалы, вселяло веру в их достижение, творило пламенные мысли и строки. Ужесточение крепостнических порядков, своеволие бездушной государственно-бюрократической машины, гонения на свободолобное слово — вот что губило «души прекрасные порывы», приносило неверие и разочарование. «Вынужденные молчать, сдерживая слезы, — писал после поражения декабристов в трактате «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцен, — мы научились, замыкаясь в себе, вынаши-

вать свои мысли — и какие мысли! Это уже не были идеи просвещенного либерализма, идеи прогресса, — то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости...» Противоречие между желаемым и действительным, разлад между идеальным и существующим стали творческой и социальной первопричиной романтических настроений.

Поэт-философ, склонный к универсальным обобщениям, счел эту ситуацию отсветом изначальной борьбы двух составных жизни: материальной и духовной. В человеке они явлены в виде «телесной» и «умственной» природы («Последняя смерть», 1827). Духовное начало суть возвышенное, истинное. Материальное чуждо «искре небесной» («Дельвигу», 1821). Это противоречие, по Баратынскому, — внутренний источник трагедии человека, для которого настоящая жизнь есть жизнь духа.

Такое мироощущение обусловило в его творчестве характерное для романтизма возвеличивание духовного и враждебное отношение ко всему, что не проникнуто возвышенной идеей. Этой мысли Баратынский останется верен всегда. Отсюда у него — и привычная для романтиков поэтизация гармонической древности в противовес разъедающему душу рационализму «железного века», который несет человеку одни страдания. Позднее противоборство враждебных в человеке сил Баратынский перенесет на все явления бытия, включая и общественные, а несовершенство людей объяснит несовершенством мироздания («Последний поэт», «Приметы», «Рифма»).

Противостояние материального и духовного в мире и в человеке видится Баратынскому по-разному, в виде единоборства чувства и рассудка, мечты и реальности, надежды и опыта, веры и истины. Поэзия же, как высшее воплощение духовности, противоположна «холодности, прозаизму, положительности и вообще исключительному стремлению к практической деятельности» (выражение И. В. Киреевского из статьи «Девятнадцатый век»). «Прекрасное положительнее полезного» — так образно определил свое кредо Баратынский.

Но мы погрешили бы против истины, сказав, что подобные романтические представления исчерпывали суть раздумий «Гамлета-Баратынского», как однажды назвал его Пушкин. Настоящий поэт творит не по теоретическим

предписаниям, а в меру собственного таланта. До конца своих дней Баратынский искал выход из тупика, стремясь вернуть миру и человеку утраченное счастье и гармонию. Заинтересованный читатель сам может в этом убедиться, проследив, как на протяжении всего творческого пути решалась Баратынским столь важная для русской литературы тема «поэта и поэзии». Верно заметил Белинский, что мысль его «является в скорбях рождения» и выходит «не из праздно мечтающей головы, а из глубоко растерзанного сердца».

В поэтической философии Баратынского, основы которой сложились уже к середине 1820-х годов, кроме отрицания действительности, было и утверждение творческой самостоятельности и личной независимости, прославление свободолюбивых порывов духа и вера в высокое назначение художника. Было понимание искусства как активной и действенной общественной силы и протест против ростовщических методов и «торговой логики» продажных литературных дельцов. Одним словом, Баратынский-романтик не оставался в стороне от жгучих вопросов времени.

В Москве Баратынскому писалось мало и трудно, особенно на первых порах. Не было рядом Пушкина, Дельвига Кюхельбекера, Жуковского... Много времени и сил отбирали домашние и хозяйственные заботы. Росла семья поэта — всего у Баратынского было девять детей, двое умерли в малолетстве. Нередко приходилось наезжать в родовую Мару, где жила мать, в Тамбов, бывать по делам в Казани; после смерти тестя на Баратынского легли хлопоты о хозяйстве семьи Энгельгардтов. Да еще приведение в порядок дома в Москве и пригородного Муранова.

Но постепенно поэт сблизился с кругом московских писателей, критиков и журналистов, которые после 14 декабря 1825 года стали играть заметную роль в развитии русской общественной мысли. Среди его знакомых — члены знаменитого философского «Общества любомудрия» посетители кружка Елагиных — Киреевских, где, как считали современники, собиралось все, «что было в Москве даровитого и просвещенного — весь цвет поэзии и науки» Своим человеком стал Баратынский и в знаменитом салоне З. А. Волконской, где бывали многие известные литераторы, артисты, ученые. Здесь он познакомился с польским

поэтом Адамом Мицкевичем. Общение с образованной литературной молодежью, прежде всего с Иваном Киреевским, стало для Баратынского подлинным университетом мысли и плодотворно сказалось на его поэзии.

Часто наезжал в Москву Пушкин. Сблизился поэт с Вяземским, Языковым, Владимиром Одоевским, Денисом Давыдовым, которых знал и раньше. Продолжалась дружеская переписка с Дельвигом.

Не оставлял Баратынский и литературных занятий. То немногое, что выходило из-под его пера, имело, по общему признанию, печать истинной поэзии и творческой оригинальности. Время от времени произведения Баратынского — стихи и отрывки из новых поэм — появлялись в петербургских журналах и альманахах, чаще всего у Дельвига в «Северных цветах». Кое-что попадало в «Московский телеграф» и «Московский вестник». Несколько стихотворений, статью «Антикритика» и прозаическую повесть «Перстень» напечатал Киреевский в своем журнале «Европеец».

В 1826 году в Петербурге отдельным изданием вышли «Эда, финляндская повесть и Пирь, описательная поэма Евгения Баратынского», ранее публиковавшиеся в журналах. Через два года там же увидели свет «Две повести в стихах», составленные из «Графа Нулина» Пушкина и «Бала» Баратынского. В 1831 году в Москве напечатано отдельное издание поэмы «Наложница», получившей позже название «Цыганка», с обширным предисловием, в котором были высказаны взгляды поэта на развитие современной литературы.

Но, конечно, самым значительным для него событием стал выход в 1827 году сборника «Стихотворения Евгения Баратынского». Сюда вошло лучшее, что было создано за недолгую поэтическую жизнь, — элегии, дружеские послания, эпиграммы. Замысел сборника родился еще в 1823 году, когда Баратынский находился в Финляндии. По его просьбе за издание взялись друзья и редакторы альманаха «Полярная звезда» Рылеев и Бестужев. Тогда по ряду причин задуманное не осуществилось. Сборник, выпущенный в Москве, был восторженно встречен читателями и критикой. Открывала его элегия «Финляндия», с которой пошла настоящая известность и поэтическая слава Баратынского.

Она же начинает и «Стихотворения Евгения Баратын-

ского» в двух частях, изданные в Москве весной 1835 года. Из 83 произведений, бывших в книге 1827 года, сюда перешло 77, многие в сильно переработанном виде. Включено 54 новых, как уже публиковавшихся в периодике, так и впервые обнародованных. Все стихотворения, составившие первую часть, напечатаны под цифрами, без учета времени создания, часто без прежних заголовков. Видимо, они должны восприниматься как главки лирической биографии поэта, раскрывающие этапы его духовной жизни. Впервые под одной обложкой — во второй части книги — были собраны написанные в разные годы поэмы «Пир», «Эда», «Бал», «Телема и Макар», «Переселение душ», «Цыганка».

Эту книгу Баратынский считал итоговой. С одной стороны, она вместила главное, что было написано за полтора десятилетия литературной работы. С другой — показала читателям новые грани таланта поэта, ибо все, что было создано им после декабрьской трагедии, несло в себе отпечаток сильного разочарования в действительности и неверия в будущее. Это знаменитые «Последняя смерть» и «Болящий дух врачует песнопенье...», «Судьбой наложенные цепи...» и «На смерть Гете», «В дни безграничных увлечений...» и «Мой дар убог, и голос мой не громок...», «Не ослеплен я музою моею...» и «Когда исчезнет омрачение...», «К чему невольнику мечтания свободы?..» и «Чудный град порой сольется...». Баратынский решил, что это его последняя встреча с читателями, ибо новое время требует иных идеалов, другой поэзии. «Будем мыслить в молчании», — написал он в одном из писем тех лет.

Первоначально Баратынский хотел предпослать сборнику 1835 года стихотворное предисловие «Вот верный список впечатлений...», в котором подводил итоги своих поэтических трудов и сообщал о намерении оставить перо. Но здесь же были и строки другого свойства.

Но что? с бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Еще, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.

Видимо, эти сокровенные думы Баратынский не решился доверить читающей публике. А вот П. А. Плетневу, духовно близкому человеку, другу юности, доверил: «Знаю, что поэзия не заключается в мертвой букве, что молча можно быть поэтом; но мне жаль, что ты оставил искусство, которое лучше всякой философии утешает нас в печалих жизни. Выразить чувство значит разрешить его, значит овладеть им. Вот почему самые мрачные поэты могут сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, мой милый Плетнев; не изменяй своему назначению. Совершим с твердостью наш жизненный подвиг. Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия...»

Литературная деятельность Баратынского в конце 1830-х начале 1840-х годов значительно сократилась. Все написанное поэт отсылал в Петербург. Несколько стихотворений появилось в «Отечественных записках», которые возглавил А. А. Краевский, сумевший привлечь к сотрудничеству и литераторов пушкинского круга — Жуковского, Вяземского, В. Одоевского, Д. Давыдова, и писателей нового поколения — Лермонтова, Соллогуба, Панаева. Большинство же было напечатано в пушкинском «Современнике», руководство которым перешло к Плетневу. Баратынский по-прежнему считал себя представителем и продолжателем пушкинского направления в литературе, «звездой разрозненной плеяды», как он назвал Вяземского в послании, которым открыл последний прижизненный сборник стихов.

Весной 1842 года в Москве вышла тоненькая книжечка под названием «Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского», включавшая 26 стихотворений, написанных за период с 1834-го по 1841 год (27-е — «Коттерие» — было изъято цензурой). Ни одно из публиковавшихся в прежних сборниках сюда не попало.

Первое, что должно было удивить читателей, — написание фамилии поэта через «о». Все прежние публикации, в том числе и стихотворений, включенных в «Сумерки», подписывались Баратынским. Это — его поэтическое имя, которое знали читатели, употребляли критики и под которым он вошел в русскую литературу. Боратынским же, за редким исключением, он назывался в письмах и деловых бумагах, то есть когда выступал как частное лицо — сын, муж, знакомый, служащий. Значит, «Сумерки» — это

прежде всего слово человека, который в стихах выражает свое личное мнение о современной эпохе, о судьбе поэта в «железный век», о том «сне зимней ночи» (так первоначально Баратынский хотел назвать книгу), что опускается на землю, когда на ней не остается места добру и красоте.

Послание к Вяземскому, открывшее книгу и ставшее своего рода эпиграфом, тоже, видимо, должно было подчеркнуть ее особый характер. В нем есть строки, по духу очень близкие тем, что завершали «Вот верный список впечатлений...». Называя свою жизнь исполненной «тоски глубокой, Противоречий, слепоты И между тем любви высокой, Любви, добра и красоты», Баратынский признается:

Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.

Не правда ли, между двумя поэтическими предисловиями есть самая прямая связь? Но тогда, в 1835 году, для последнего откровенного разговора время, возможно, еще не наступило. Тогда к читателям с рассказом о своей судьбе обратился поэт Баратынский, который пока не мог или не хотел ставить отчетливый знак равенства между миром собственной поэзии и тем внутренним сердечным миром, который его порождал. Теперь же со страниц «Сумерек» звучало открытое слово Баратынского-человека.

Прочитайте внимательно стихотворения, вошедшие в сборник, — они расположены так, как расставил их Баратынский. Вы, без сомнения, почувствуете, что это взволнованный монолог человека, который больше не может молчать и стремится рассказать тем, кто его поймет, о самом главном для себя. Это итог многолетних поисков ответа на труднейшие вопросы бытия. Начиная с «Последнего поэта» и кончая «Рифмой», все стихотворения сборника — каждое с особой интонацией, как инструмент оркестра — сливаются в торжественный реквием прекрасному в мире и в человеке. И венчает этот крик страдающего сердца бесстрашное признание мыслителя: «Перед тобой таков отныне свет, И в нем тебе грядущей жатвы нет!»

В последние годы жизни Баратынский серьезно поду-

мывал о переезде на жительство в Петербург. Здесь он родился как поэт, сюда тянули воспоминания, тут обосновались близкие друзья. Зимой 1840 года поэту удалось одному, без семьи, на несколько недель съездить в столицу. Это как глоток свежей воды. Свидания и долгие разговоры со старыми товарищами — как будто не было долгих лет одиночества. Разбор с Жуковским последних произведений Пушкина, которые, по признанию Баратынского, отличаются «силою и глубиною». Академия художеств, где выставлен «Последний день Помпеи» Карла Брюллова, спектакли Большого театра со знаменитой Марией Тальоне, салон Софьи Карамзиной, дочери известного писателя и историографа, встречи с Н. Н. Пушкиной, знакомство с молодыми литераторами, в числе которых Лермонтов, читавший «прекрасную новую пьесу» и показавшийся Баратынскому «человеком без сомнения с большим талантом». Да, было от чего прийти в восторг и сожалеть, что окончательный переезд откладывается из-за хозяйственных дел, отсутствия денег, болезней домо-чадцев.

Долгое время по тем же причинам оставалась мечтой и поездка в Италию. Знакомая и любимая с детства по рассказам домашнего воспитателя, «дядьки-итальянца» Джьячинто Боргезе, она всегда представлялась сказочной страной — обителью поэзии и красоты. Лишь осенью 1843 года Баратынские отправились в путешествие. Пересекли Германию и Францию, на зиму обосновались в Париже. Здесь Баратынский познакомился со многими литераторами, часто бывал в салонах, для почитателей перевел на французский около двадцати своих стихотворений.

Встречался поэт и с соотечественниками. Это в первую очередь декабрист Н. И. Тургенев и его брат А. И. Тургенев, давний друг, помогавший в трудные минуты жизни. Это и молодые русские революционеры, входившие в круг Герцена, — поэт и публицист Н. П. Огарев, поэт и переводчик Н. М. Сатин, публицисты Н. И. Сазонов и И. Г. Головин. Вынужденные жить в эмиграции, они видели в Баратынском друга Пушкина и декабристов, дело которых продолжали, а потому считали его своим союзником в борьбе за новую Россию. Встречи с ними для Баратынского, давно мечтавшего об уничтожении крепостного права, оказались желанными и целительными.

Удивительные превращения! Чем дольше длится путешествие, тем чаще мысленно возвращается поэт в Россию. Уехав с тяжелым сердцем, он все с большей надеждой думает о судьбе Родины. Гордостью и радостью проникнуты его письма домой: «Поздравляю вас с будущим, — восклицает Баратынский в преддверии нового, 1844 года, — ибо у нас его больше, чем где-либо... поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживем их, может быть, 12-ю столетиями».

Весной 1844 года Баратынские сели на пароход, идущий из Марселя в Неаполь. Во время переезда сложилось стихотворение «Пироскаф», читая которое сегодня, ясно чувствуешь, что в душе поэта совершался перелом, и она, как он сам писал в середине 1830-х годов, отныне «разрешена от всех своих скорбей»:

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

Этими настроениями наполнены и письма домой из Неаполя, где Баратынские, почти ни с кем не общаясь, наслаждались красотой «Элизия земного». Там родилось стихотворение «Дядьке-итальянцу», пронизанное светлой грустью о прошлом — той грустью, которая бывает у человека, когда он задумывается о будущем. Как и «Пироскаф» — оба были посланы в Петербург для публикации в «Современнике», — оно почти не переправлялось (редчайший случай!) поэтом. Так искренне и легко, от всего сердца писалось Баратынскому. Может быть, впервые в жизни. Во всяком случае, в последний раз.

Утром 29 июня (11 июля — по новому стилю) Евгений Абрамович Баратынский скоропостижно скончался. Через год кипарисовый гроб с останками поэта был перевезен из Неаполя в Петербург и захоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, близ Крылова, Гнедича и Карамзина. Через пятнадцать лет рядом с мужем положили Анастасию Львовну.

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

Сказано скромно, достойно и честно, как все у мастера,
вписавшего одну из лучших страниц в золотую книгу рус-
ской поэзии.

П. А. Стеллиферовский

СТИХОТВОРЕНИЯ

После каждого стихотворения указан год его создания. Если он точно неизвестен, дата заключена в угловые скобки. Это значит, что стихотворение написано не позднее данного года — времени первого появления в печати. Даты со знаком вопроса в круглых скобках — предположительные и основаны на косвенных сведениях. В Примечаниях, что помещены в конце сборника, читатель найдет некоторые дополнительные сведения и пояснения трудных для понимания или редких слов и выражений.

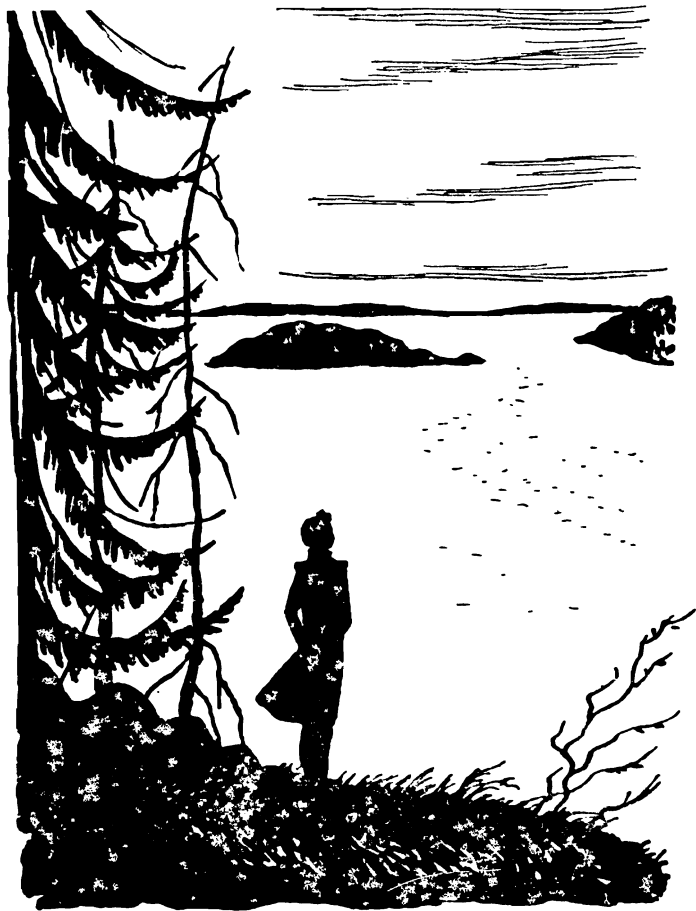

ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным!

Как все вокруг меня пленяет чудно взор!
Там необъятными водами
Слилося море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошел тяжелыми стопами,
Сошел — и смотрится в зеркале гладких вод!
Уж поздно, день погас; но ясен неба свод,
На скалы финские без мрака ночь не исходит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Одиссовых детей
Грозы пародов отдаленных!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен скальда глас,
Воспламененный дуб угас,
Развевал буйный ветер торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов,
И в дольном враже их богов
Лежат изверженные лица!
И все вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от берега к берегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманную толпой?

Вы ль? дайте мне ответ, услышьте голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных, вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылись в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что слава наших дней,
Что наше восторженое племя?

О, все своей чредой исчезнет в бездне лет!
Для всех один закон, закон уничтоженья,
Во всем мне слышится таинственный привет
Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Востренещу ль перед судьбою?
Не вечный для времен, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?

Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
Что пукды до былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно наиражден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

1820

РОНОТ

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; по дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Все мнится, счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне.

⟨1820⟩

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя,
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

⟨1820⟩

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
 Не испытав его, нельзя понять и счастья:
 Живой источник сладострастья
 Дарован в нем его сынам.
 Одни ли радости отрадны и прелестны?
 Одно ль веселье веселит?
 Бездейственность души счастливых тяготит;
 Им силы жизни неизвестны.
 Не нам завидовать ленивым чувствам их:
 Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
 И в ощущениях слепых
 Души рассеянной и праздной?
 Счастливы мнимые, способны ль вы понять
 Участья нежного сердечную услугу?
 Способны ль чувствовать, как сладко поверять
 Печаль души своей внимательному другу?
 Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
 Но кто постигнут роком гневным,
 Чью душу тяготит мучительный недуг,
 Тот дорожит врачом душевным.
 Что, что дает любовь веселым шалунам?
 Забаву легкую, минутное забвенье;
 В ней благо лучшее дано богами нам
 И нужд живейших уголенья!
 Как будет сладко, милый мой,
 Поверить нежности чувствительной подруги.
 Скажу ль? Все раны, все недуги,
 Все расслабление души твоей больной;
 Забыв и свет, и рок суровый,
 Желанья смутные в одно желанье слить
 И на устах ее, в ее дыханье шить
 Целебный воздух жизни новой!
 Хвала всевидящим богам!
 Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,
 Счастливы нас бедней, и праведные боги
 Им дали чувственность, а чувство дали нам.

УНЫНИЕ

Рассеивает грусть пиров веселый шум.
Вчера, за чашей круговую,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою.

Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобрести, что сердцем не дано,
Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен.

<1821>

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пусть другие чтут приличия законы;
Пусть другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! о край, всегда любимый!
Родные небеса! незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный несчастьем,

С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и воли мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед, в моей неизвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке измерять окопы боевые —

Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет пегою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюся в огороде;
Приду с тобой садить корни и цветы.
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель

и струны;

Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа снесу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пенел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

<1821>

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больнова
В его дремоте не тревожь!
Я силю, мне сладко усыпление;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

⟨1821⟩

ДЕЛЬВИГУ

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометей.

Похищенной искрой создание свое
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желаньи счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На бrenнюю землю беснecно оно
Торжественный свод опирает...

Но нам недоступно! Как алчный Тaнтaл
Сгорает средь влаги прохладной!
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

⟨1821⟩

К<ОНИИ>НУ

Пора покинуть, милый друг,
Знамена ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, пока досуг.
Чьих ожидать увещаний!
Мы лишены старинных прав
На своеволие забав,
На своеволие желаний.
Уж отлетает век молодой,
Уж сердце опытнее стало:
Теперь ни в чем, любезный мой,
Нам иступление не пристало!
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья;
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
Пресытись буйным наслажденьем,
Пресытись ласками цирцей,
Шенчу я часто с умилением
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши

Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души;
В чье неизменное участие
Беспечно веровал бы я,
Случится ль ведро иль напасть
На перенутье бытия?
Где ж обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или с волненьем и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или в печали одинокой
Я проведу остаток дней,
И тихий свет ее очей
Не озарит их тьмы глубокой,
Не озарит души моей!..

⟨1821⟩

ДОБРЫЙ СОВЕТ

(Копшину)

Живи смелей, товарищ мой,
Разнообразь досуг шутливой!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньем и хвалой!
О, как безумна жажда славы!
Равно исчезнут в бездне лет

И годы шумные побед,
И миг незнаемый забавы!
Всех смертных ждет судьба одна:
Всех чередом поглотит Лета,
И философа-болтуна,
И длинноусого корнета,
И в молдаванке шалуна,
И в рубище анахорета.
Познай же цену срочных дней,
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнет жизни свиденье:
Кто был счастливей, был умней.
Будь дружен с музою моею,
Оставим мудрость мудрецам;
На что чиниться с жизнью нам,
Когда шутить мы можем с нею?

⟨1821⟩

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрынучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины!

1821

ОТЪЕЗД

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце пехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рев, и все питает
Безумье мрачных дум;
Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но все душой пнит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь, для сладкого свиданья,
Спешу к стране родной;
В воображенье край изгнанья
Последует за мной:
И камнем мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою, житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

<1821>

ТОВАРИЩАМ

Так! оставного шалуна
Вы вновь шалить не убеждайте
Иль золотые времена
Младых затей ему отдайте!

Переменяют годы нас
И с нами вместе наши правы:
От всей души люблю я вас;
Но ваши чужды мне забавы.

Уж Вакх, увенчанный плющом,
Со мной по улицам не бродит
И к вашим нимфам вечером
Меня, шатаясь, не заводит.

Весельчакам я запер дверь,
Я пресыщен их буйным счастьем
И заменил его теперь
Пристойным, тихим сладострастьем.

В пылу начальном дней младых
Неодолимы наши страсти:
Прокажим мы, но мы у них,
Не у себя тогда во власти.

В своей отваге молодой
Товарищ ваш блажил довольно;
Не видит он нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно.

1821 (?)

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
 Путем одним пойдем до двери гроба,
 И тицетно нам за грозною бедой
 Беду грозней пошлет судьбины злоба.
 Ты помнишь ли, в какой печальный срок
 Впервые ты узнал мой уголок?
 Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
 Боролся я, почти лишенный сил?
 Я погибал: — ты дух мой оживил
 Надеждою возвышенной и новой.
 Ты ввел меня в семейство добрых муз;
 Деля досуг меж ими и тобою,
 Я ль чувствовал ее свинцовый груз
 И перед ней упизился душою?
 Ты сам порой глубокою печаль
 В душе носил, но что? не мне ли вверить
 Снепил ее? И дружба не всегда ль
 Хоть несколько могла ее умерить?
 Забытые фортуною слепой,
 Мы ей назло друг в друге все имели
 И, дружества твердя обет святой,
 Бестрепетно в глаза судьбе глядели.

О! верь мне в том: чем жребий ни грозит,
 Упорствуя в старинной неприязни,
 Душа моя не ведает боязни,
 Души моей ничто не изменит!
 Так, милый друг! позволят ли мне боги
 Ярмо забот сложить когда-нибудь
 И весело на светлый мир взглянуть,
 По-прежнему ль ко мне пребудут строги,
 Всегда я твой. Судьей души моей
 Ты должен быть и в вѣдро и в напасть,
 Удвоишь ты моих счастливых дней
 Нецелное без разделенья счастье;
 В дни бедствия я знаю, где найти
 Участие в судьбе своей тяжелой;
 Чего ж робеть на жизненном пути?
 Иду вперед с надеждою веселой.
 Еще позволь желание одно

Мне произнестъ: молюся я судьбинс,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.

Конец 1821 (?)

ДОГАДКА

Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!
В ней говорит
И жар ланит,
И вздох случайной...
О! я знаком
С сим языком
Любови тайной!
В душе твоей
Уж нет покоя;
Давным-давно я
Читаю в ней:
Любви приметы
Я не забыл,
Я ей служил
В былые леты!

〈1822〉

ПОЦЕЛУЙ

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой,
Мне спишься ты, мне снится наслажденье;
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

〈1822〉

ЭПИЛОГ

Чувствительны мне дружеские пени,
Но искренне забыл я Геликон
И признаюсь: неприхотливой лени
Мне правится приманчивый закон;
Охота петь уж не владеет мною:
Она прошла, погасла, как любовь.
Опять любить, играть струнами вновь
Желал бы я, но утомлен душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?

С бездействием любезен мне союз;
Лелеемый счастливым усыплением,
Я не хочу притворным испуганием
Обманывать ни юных дев, ни муз.

⟨1823⟩

ДВЕ ДОЛИ

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разговещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знание бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный:
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов;

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

⟨1823⟩

РАЗМОЛВКА

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? печальней доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

⟨1823⟩

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, маящим издали,
Жизнь перешел до полдороги;
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастье похожим
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.

⟨1823⟩

ИСТИНА

О счастье с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?
Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

Безумен ты и все твои желанья —
Мне тайный голос рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с ронтаньем
Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
Вещала. — Захочу
И, страстного, отрадиному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставляю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостя неземная!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный,
И страшен для живых.

Нет, я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
 Во звездной вышине
Начнет бледнеть и все, что сердцу мило,
 Забыть придется мне,
Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
 Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
 Безропотно сойти».

⟨1823⟩

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
 Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
 Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
 Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
 И пламень мой, слабея постепенно,
 Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
 Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
 Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судбины полную победу надо мной.
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — избираю я.
На брак обдуманый я руку ей подам

И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим сном,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами.
Мы жребии свои соединим.

Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком умири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

ЛЮБОВЬ

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но все отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви, огонь живительный!
Все говорят; но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов златых цветущей младости
Тебе открыл бы душу вновь.

⟨1824⟩

ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я приходил,
И в руки брал твой череп желтый, пыльный!

Еще носил волос остатки он;
Я зрел на нем ход постененный тленья.
Ужасный вид! как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провенчала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное создание,
О человек! уверься наконец,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнание!

Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и лица:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит:
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

⟨1824⟩

ЗВЕЗДА

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
По взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

⟨24 сентября⟩ 1824

БУРЯ

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пеняся, в прибрежные скалы.

Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, гесенны властелин,

Что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля тренецот перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами,
Бунтующим могуществом своим.

Когда придет желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?
Но знай: красой далеких стран
Не очаровано мое воображенье.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В нокое рабленном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их,
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре молодого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!

Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.

1821

ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встанет, благоухая,
Цветущий мир,
И славит все существованья сласть;

С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

1824 или 1825

* * *

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов — самовластью
Какой-то адскою любовью горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

1824—1825

* * *

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь!

1824—1825

НАДПИСЬ

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем бывших страстей
Еще заметен след!
Так яркий ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храпя движенья вид.

1825 (?)

СТАНСЫ

В глуши лесов счастлив один,
Другой страдает на престоле;
На высоте земных судьбин
И в незаметной, низкой доле
Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.

Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно;
Уделом нашим решено,
Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучший дал совет,
Иль Эпикур, иль Эпиктет?

Меня тягчил печалей груз;
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.

Хвала вам, боги! предо мной
Вы оправдались отныне!
Готов я с бодрою душой
На все угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

⟨1825⟩

ДОРОГА ЖИЗНИ

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:

Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоня жизни платим мы.

⟨1825⟩

Д. ДАВЫДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,

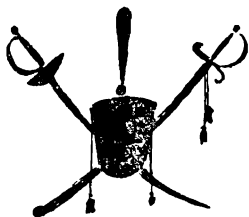
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бражных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминанье горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

1825

ЭПИГРАММА

Что ни болтай, а я великий муж!
Был воином, носил недаром шпагу;
Как секретарь, судебную бумагу
Вам начерню, перебелю; к тому ж
Я знаю свет,— держусь Христа и беса,
С ханжой ханжа, с повесою повеса;
В одном лице могу все лица я
Представить вам! Хотя под старость века,
Фаддей, мой друг, Фаддей, душа моя,
Представь лицо честного человека.

⟨1826⟩

Не бойся едких осуждений,
 Но упоительных похвал:
 Не раз в чад у их мощный гений
 Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,
 Уже готов у моды ты
 Взять на венок своей Камене
 Ее тафтяные цветы;

Прости, я громко негодую;
 Прости, наставник и пророк,
 Я с укоризной указую
 Тебе на лавровый венок.

Когда по ребрам крепко стиснут
 Пегас удалым седоком,
 Не горе, ежели прихлыстнут
 Его критическим хлыстом.

⟨1827⟩

ЭПИГРАММА

Окогченная летунья,
 Эпиграмма-хохотунья,
 Эпиграмма-егоза
 Трется, вьется средь народа,
 И завидит лишь уroda —
 Разом вцепится в глаза.

⟨1827⟩

ЭПИГРАММА

Как сладить с глупостью глупца?
 Ему впопад не скажешь слова;
 Другого проще он с лица,
 Но мудреней в житье другого.

Он всем превратно поражен,
И все наыворот он видит;
И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит.

⟨1827⟩

ОНА

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Бредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой —
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

⟨1827⟩

СТАНСЫ

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;

Но обрело ли разделение,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; но сны молодые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищ вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

1827

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте поиятья своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдав он;

Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь, подобно облакам,
И полными эпохами являлись

От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,

Уж рассекал небесные равнины
Но прихоти им вымышленных крил;
Все на земле движением дышало,
Все на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольних благ,
На все они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всеильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаясь их грубого влечения,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывались в гробах!
Как древние столны на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
Но пакиням заглухнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное блеянье.

И тишина глубокая во след
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
Но-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взойшло,
Но на земле ничто его восходу
Произвести привета не могло.
Один туман над ней, синей, вился
И жертвою очистительной дымился.

<1827>

ФЕЯ

Порою ласковую фею
Я вижу в обаянии сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;
Но что же? странно и во сне
Несокупное счастье мне:
Всегда дарам своим предложит
Условье некое она,
Которым, злобно смышлена,
Их отравит или уничтожит.

Знать, самым духом мы рабы
Земной насмешливой судьбы;
Знать, миру явному дотоле
Наш бедный ум порабощен,
Что переносит поневоле
И в мир мечты его закон!

1828 (?)

* * *

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? точный смысл народной поговорки.

⟨1828⟩

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношении,
И как нашел я друга в поколении,
Читателя найду в потомстве я.

⟨1828⟩

Глуницы не чужды вдохновенья;
Им также пылкие мгновенья
Оно, как гениям, дарит:
Слетая с неба, все растенья
Равно весна животворит.
Что ж это сходство знаменует?
Что им глушец приобретет?
Его канустою раздует,
А лавром он не расцветет.

⟨1828⟩

БЕСЕНОК

Слышал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали,
Бывало, беса призывали;
Им в этом подражаю я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;
Узнайте: ласковый бесенок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасенок.
С тех пор я вышел из пеленок,
Между мужчинами возмужал,
Но для него еще ребенок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мне в моей конурке —
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведет,
Живой водой веселье вспыснет,
А горе мертвою зальет.
Когда в задумчивом совете

С самим собой из-за угла
Гляжу на свет, и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен;
Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он;
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет,
И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несет.
Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я от твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

1828

ДЕРЕВНЯ

Люблю деревню я и лето:
И говор вод, и тень дубров,
И благовоние цветов;
Какой душе не мило это?
Быть так, прощаю комаров!
Но признаюсь — пустыни житель,
Покой пустынный в ней любя,
Комар двуногий, гость-мучитель,
Нет, не прощаю я тебя!

<1828>

СМЕРТЬ

Смерть дочерью тьмы не назову я
И, раболепную мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое хранение всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смирняя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье,
Условье смутных наших дней:
Ты всех загадок разрешение,
Ты разрешение всех ценей.

⟨1828⟩

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные создания
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

⟨1829⟩

В АЛЬБОМ

По замечанью моему,
Альбом походит на кладбище:
И не подобно ли ему
Он всем открытое жилище?
Он также множеством имен
Самолюбиво испещрен.
Увы! народ добросердечный
Равно туда или сюда
Несет надежду жизни вечной
И трепет Страшного суда.
Но я, смиренно признаюсь,
Я не надеюсь, не страшуся;
Я в ваших памятных листах
Спокойно имя помещаю:
Философ я; у вас в глазах
Мое ничтожество я знаю.

⟨1829⟩

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Когда печалью вдохновенный
Певец печаль свою поет,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто, вековых проклятий жадец,
Дерзнет осмеивать ее?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытье!
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душесутильный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей ленты незаконной
С чужим ребенком на руках.

⟨1829⟩

МУЗА

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он скорей, чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалою.

⟨1829⟩

* * *

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменя.
Игра стихов, игра золотая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, не жили меня!
Но все проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов —
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

1831

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыв холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Все цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воеет
И небо кроет
Седой мглою.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лет?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновение
Бурь бытия.

Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы

Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

1831 (?)

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.

Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

1831

ЯЗЫКОВУ

Бывало, свет позабывая
С тобою, счастливым певцом,
Твоя Камена молодая
Венчалась гроздьем и плющем
И песни ветреные пела,
И к ней, безумна и слена,
То, увлекаясь, пламенела
Любовью грубую толпа,
То, на свободные паневы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятным божеством.
Во взорах пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щеках,
Был жар хмельной в ее глазах
Или румянец вождельенья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд менады надевает;

Яви ж, яви ее скорей,
Певец, в достойном блеске миру:
Наперснице души твоей
Дай диадему и порфиру;
Державный сан ее открой,
Да изумит своей красой,
Да величавый взор смущает
Ее злословного судью,
Да в ней хулитель твой познает
Мою царицу и свою.

1831

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, за не совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных создания,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью землею
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего:
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах спокоя
Все дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

* * *

К чему невольнику мечтания свободы?
Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных берегах, по склону их русла;
Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путем неведомая сила
Влечет. Бродячий ветер не волен, и закон
Его летучему дыханью положен.
Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем;
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желанья со жребием своим —
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля

Дарует страсти нам? и не ее ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

⟨1833⟩

* * *

Наслаждайтесь: все проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своеправно рок приводит
Нас к утехам и бедам.
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

⟨1834⟩

* * *

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешение
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня,

И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?

Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

⟨1834⟩

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

⟨1834⟩

* * *

О мысль! тебе удел цветка:
Он свежий манит мотылька,
Прельщает пчелку золотую,
К нему с любовью мошка льнет,

И стрекоза его поет;
 Утратил прелесть молодую
 И чередой своей поблек —
 Где пчелка, мошка, мотылек?
 Забыт он роем их летучим,
 И никому в нем пужды нет;
 А тут зерном своим падучим
 Он зарождает новый цвет.

⟨1834⟩

* * *

Есть милая страна, есть угол на земле,
 Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
 В садах Армидиных, на быстром корабле,
 Браздящем весело равнины океана,
 Всегда уносимся мы думою свсеей,
 Где, чужды низменных страстей,
 Житейским подвигам предел мы назначаем,
 Где мир надеемся забыть когда-нибудь
 И вежды старые сомкнуть
 Последним, вечным сном желаем.

.

Я помню ясный, чистый пруд;
 Под сению берез ветвистых,
 Средь мирных вод его три острова цветут;
 Светлея пивами меж роц своих волнистых,
 За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
 И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
 А там счастливый дом... туда дуна летит,
 Там не хладел бы я и в старости глубокой!
 Там сердце томное, больное обрело
 Ответ на все, что в нем горело,
 И снова для любви, для дружбы расцвело
 И счастье вновь уразумело.

Зачем же томный вздох и слезы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.
Почий, почий легко под дерном гробовым:
 Воспоминанием живым
 Не разлучимся мы с тобою!
Мы идачем... но прости! Печаль любви сладка,
 Отрады слезы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
 Сухая скорбь разуверенья.

⟨1834⟩

ЗАПУСТЕНИЕ

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни веселые живительного мая,
Когда зелеными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов,—
Под очарованный твой кров
Замедлил я моим возвратом.
В осенней нагоде стояли деревья
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замерзлая трава,
И листья мертвые, волнуясь, шумели;
С прохладой резко дышал
В лицо мне запах увяданья;
Но не веселого убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.
Увы! рука его изглажена годами!
Стези заглухшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады;
Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишённые хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их ложе поросло травой,
Приют хозяйственный в нем улья обрели
И легкая тропа исчезла предо мною,
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня... обвал
Вдруг поглотил ее... Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы.
Иду я: где беседка тлест
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дрыхлеет.

И ты, величественный грот,
 Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем,
 И угрожает уж паденьем,
 Бывало, в летний зной, прохлады полный свод!
 Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
 Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,
 И обаянием могучим
 Исполнен для души моей.
 Он не был мыслию, он не был сердцем хладен,
 Тот, кто, глубокой неги жажен,
 Их своенравный бег тропам сим указал,
 Кто, преклоняя слух к мечтательному шуму
 Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
 Ему сочувственную думу.
 Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
 Прияла прах его далекая могила,
 Мне память образа его не сохранила,
 Но здесь еще живет его доступный дух;
 Здесь, друг мечтанья и природы,
 Я познаю его вполне:
 Он вдохновением волнуется во мне,
 Он славить мне велит леса, долины, воды;
 Он убедительно пророчит мне страну,
 Где я наследую несрочную весну,
 Где разрушения следов я не примечу,
 Где в сладостной тени невянущих дубров,
 У нескудеющих ручьев,
 Я тень священную мне встречу.

1834

* * *

Вот верный список впечатлений
 И легкий и глубокий след
 Страстей, порывов юных лет,
 Жизнь родила его — не гений.
 Подобен он скрывали той,
 Где пишет ангел неподкупный
 Прекрасный подвиг и преступный —
 Все, что творим мы под луной.
 Я много строк моих, о Лета!

В тебе желал бы окунуть
И утаить их как-нибудь
И от себя и ото света...
Но уж свое они рекли,
А что прошло, то непреложно.
Года волненья протекли,
И мне перо оставить можно.
Теперь я знаю бытие.
Одно желание мое —
Покой, домашние отрады.
И, погружен в самом себе,
Смеюсь я людям и судьбе,
Уж не от них я жду награды.
Но что? с бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Еще, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.

1834 (?)

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

Как жизни общие призывы,
Как увлечения суеты,
Понятны вам страстей порывы
И обаяния мечты;
Понятны вам все дуновенья,
Которым в море бытия
Послушна наша ладия.
Вам приношу я песнопенья,
Где отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты
И между тем любви высокой,
Любви, добра и красоты.

Счастливый сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,
Но добровольно, шумный свет,—
Еще порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.
Ищу я вас, гляжу: что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?
Что вам дарует провиденье?
Чем испытует небо вас?
И возпошу молящий глас:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час!

Звезда разрозненной плеяды!
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благодати молю,
От вас отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу.

1834

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек.
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;

Нежданный сын последних сил природы —
Возник поэт: идет он и поет.

Воспевает, простодушной,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнания
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урапии холодной
Поет, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подымается от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Бодрым сердцем покоримся
Думам робким, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, венчать полуотверсты,
Но гордые главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;

И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. песни волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошью свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

⟨1835⟩

* * *

Предрассудок! он обломок
Древней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменней,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлостного отца.

Воздержжи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

⟨1841⟩

НОВИНСКОЕ

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей легкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви — для вдохновенья.

1826, 1841

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горпылом, всаами и мерою,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъявля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним:
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

⟨1839⟩

* * *

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.

И юных граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень!

〈1840〉

* * *

Увы! Творец непервых сил!
На двух статейках утомил
Ты кой-какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,
Уже, в жару нездравом, ты
Коверкать стал правописание!

Неаполь возмутил рыбарь,
И, власть прияв, как мудрый царь,
Двенадцать дней он градом правил;
Но что же? — непривычный ум,
Устав от венценосных дум,
Его в тринадцатый оставил.

〈1838〉

НЕДОНОСОК

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, наду, слабей.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И пошусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце — радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластюсь к ним, как облачко;

Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет
И до облак, свод небесный
Омрачившись, вознесет
Прах земной и лист древесный:
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! вихорь жгучий!
Вьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю —
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я поднимаю.

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!
В тучу прячусь я, и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу, как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле

Оживил я педоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

⟨1835⟩

АЛКИВНАД

Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;

Девы, тайно любуясь челом благородно-открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь,
а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок?

⟨1835⟩

РОПОТ

Красного лета отравя, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу,
то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать
самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуи?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага.

⟨1841⟩

МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью,
философ,
Хочешь ты пристань найди, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом
тревожным,
Жизнь для волнения дана: жизнь и волненье —
одно.

Тот, кого миновали общие смуты, заботу
 Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
 Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
 Первым стеланьем качать нудит свою колыбель!

〈1840〉

* * *

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей.

И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

1838 (?)

БОКАЛ

Полный влаги искрометной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Бурных оргий властелин, —
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Все твое, о друг Аи!

Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего;
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных певежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк —
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей —
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

⟨1835⟩

* * *

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоеется!

А как век-то, век-то старой
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

1839

* * *

На что вы, дни! Юдольный мир явления
Свой не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кинела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под всепьем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды почь смея,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет
Венец пустого дня!

⟨1840⟩

КОТТЕРНЕ

Братайтесь, к взаимной обороне
Ничтожностей своих вы рождены;
Но дар прямой не брат у вас в притоне,
Бездарные писцы-хлопотуны!
Наоборот, союзным на благое,
Реченного достойные друзья,
«Аминь, аминь. — встал он вам, — где трое
Вы будете — не буду с вами я».

1812

АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречен борьбе верховной,
Ты ли, долею своей
Равен с ним, боец духовной,
Сын купели новых дней?

Омовен ее водою,
Знай, страданью над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

⟨1841⟩

* * *

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;

Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъяема крик нахальной,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

⟨1837⟩

* * *

Еще, как патриарх, не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук бездарно возложение!
И я даю тебе мое благословенье
Во знаменье ином, о дева красоты!
Под этой розою главой склонись, о ты,
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной.

1839

* * *

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей почь безмолвная. Боятся в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущенный мрак —
Исчезнет, с нустотой сольется
Тебя пугающий призрак,
И заблужденье чувств твой ужас улыбнется.

О сын фантазии! ты благодатных фей
Счастливым баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семьянин, привычный гость на пире

Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинский вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

⟨1839⟩

* * *

Здравствуй, отрок сладкогласный!
Твой рассвет зарей прекрасной
Озаряет Аполлон!
Честь возникшему пииту!
Малолетнюю хариту
Ранней лирой тронул он.

С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой,
Чуткой грудью своею,
С первым солнцем, полный всею
Наступающей весной!

⟨1841⟩

* * *

Что за звуки? Мимоходом
Ты поешь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издаваясь над тобой.

А с тобой издавна тесен
Был союз Камены песен,
И беседовал ты с ней,

Безымянной, роковою,
С дня, как в первый раз тобою
Был услышан соловей.

Бедный старец! слышу чувство
В сильной песне... Но искусство...
Старцев старее оно;
Эти радости, печали —
Музыкальные скрыжали
Выражают их давно!

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире,
Звучен будет голос твой!

⟨1841⟩

* * *

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Все тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

⟨1840⟩

СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бескопечно вождеденный,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не надет,

Покуда, страсть уразумев
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.

⟨1841⟩

ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоюет роща, дол

Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопья стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой пошею скрипящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенная брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,

И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты,—

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;

И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретения!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;

Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стоп
Едва твоей гордыней задушен.

9

По если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественный и дикой,—
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навск,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блестает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревлещенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угломнит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,

И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий берег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой, —

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем, —
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посветишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подымлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;

Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры поворожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годинны бывшей
Сравниются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, —
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!
1836—1837

* * *

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек.

1839

Когда на играх Олимпийских,
 На стогнах греческих недавних городов,
 Он пел, питомец муз, он пел среди валов
 Народа жадного восторгов мусикийских;
 В нем вера полная в сочувствие жила,
 Свободным и широким метром,
 Как жатва, зыблемая ветром,
 Его гармония текла.

Толпа вниманием окована была,
 Пока, могучим сотрясеньем
 Вдруг побежденная, плескала без конца
 И струны звучные певца
 Дарила новым вдохновеньем.
 Когда на греческий амвон,
 Когда на римскую трибуну
 Оратор восходил и славословил он
 Или оплакивал народную фортуна,
 И устремлялися все взоры на него,
 И силой слова своего

Вития властвовал народным произволом:

Он знал, кто он; он ведаť мог,
 Какой могучий правит бог
 Его торжественным глаголом.
 А ныне кто у наших лир
 Их дружелюбной тайны просит?
 Кого за нами в горний мир
 Опальный голос их уносит?
 Меж нас не ведает поэт
 Его полет высок иль нет!
 Сам судия и подсудимый
 Пусть молвит: песнопевца жар
 Смешной недуг иль высший дар?
 Решит вопрос неразрешимый!
 Среди безжизненного сна,
 Средь гробового хлада света,
 Своею ласкою поэта
 Ты, рифма! радуешь одна.
 Подобно голубю ковчега,
 Одна ему, с родного берега,
 Живую ветвь приносишь ты;

Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

〈1840〉

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять сместся луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,—
К ее сынам еще вызывает лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Огвста нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простясь с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

1842 (?)

* * *

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я прикидал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

1844

ПИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только вдали, океана жилица,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развев, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацья качается в море,—
С берегом набрежное скрылось, ушло!

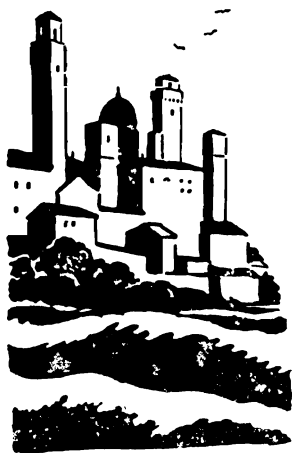
Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою

Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простираю.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду; мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной.

1844

ПРИМЕЧАНИЯ

Ф и н л я н д и я (стр. 23). Элегия принесла Баратынскому славу «певца Финляндии», открывала сборники его стихотворений 1827 и 1835 годов. В ней даны довольно точные описания природы, но финская мифология, в духе поэтической традиции того времени, подменена общескандинавской. *Зерца́ло* (церк.-слав.) — зеркало. *О́дин* — верховный бог и бог войны в скандинавской мифологии. *Скальд* — древнескандинавский поэт, певец. *До́льный* — здесь: земной.

Р о п о т (стр. 26). По семейному преданию, элегия обращена к Вареньке Кучиной, дальней родственнице Баратынского, его первой любви. К ней же, скорее всего, обращены стихотворения «Разлука», «Разуверение» и ряд других элегий молодого поэта, включая знаменитое «Признание».

К (о н ш и) н у (стр. 27). Послание адресовано *Николаю Михайловичу Кóншину* (1793—1859), поэту, близкому другу Баратынского, командиру роты Нейшлотского полка, где тот служил во время пребывания в Финляндии.

У н ы н и е (стр. 28). *Вакх* (римск. — *Báxus*) — одно из имен Диониса, в греческой мифологии бога плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства и виноделия.

Р о д и н а (стр. 28). По одним источникам, в элегии говорится о селце Подвойское Смоленской губернии, имении А. В. Баратынского, где после исключения из Пажеского корпуса довольно долго жил будущий поэт. По другим — об усадьбе Мара Тамбовской губернии, где он родился. *Ора́тай* (устар.) — пахарь. *Доброхо́т* — человек, делающий приятное, хорошее, угождающий. *Песту́н* — воспитатель, наставник. *Богиня пажитей признательней фортуны!* — Речь идет о греческой богине земледелия и плодородия Демётре (Церéра — в римской мифологии) и Форту́не, олицетворяющей судьбу, случай, счастье,

удачу. *Цеснѣца* — русский духовой музыкальный инструмент типа многоствольной флейты; здесь: символ поэтических занятий.

Р а з у в е р е н и е (стр. 31). Элегия получила огромную популярность в виде романса на музыку М. И. Глинки.

Д е л ь в и г у (стр. 31). Обращено к *Антону Антоновичу Дэльвигу* (1798—1831), одному из самых близких друзей Баратынского. *Блаженство прямое* — настоящее, подлинное. *Прометей* — герой греческого мифа, похитивший у богов для людей небесный огонь. *Вотцѣ* — тщетно, напрасно. *Тáнтал* — герой греческой мифологии, наказанный богами (танталовы муки): стоя по горло в воде, он не может напиться, так как вода отступает от губ; свисающие с веток плоды поднимаются, как только Тантал протягивает к ним руку.

К (о н ш и) н у (стр. 32). *Кипрѣда* — одно из имен Афродиты, богини любви в греческой мифологии, по названию острова Кипр, где находилось святилище. *Цирцѣя* — здесь: красавица обольстительница. В стихотворении «Алексееву» (1821) Пушкин процитировал строки из этого послания: «Прошел веселый жизни праздник. Как мой задумчивый проказник, Как Баратынский, я твержу: «Нельзя ль найти подруги нежной? Нельзя ль найти любви надежной?» И ничего не нахожу».

Д о б р ы й с о в е т (Коншину) (стр. 33). *Лѣта* — в греческой мифологии река в царстве мертвых, ее вода дает забвение земной жизни («кануть в Лету»). *Молдавѣнка* — здесь: шаночка. *Анахорѣт* — отшельник.

В о д о п а д (стр. 34). Поводом к созданию стихотворения послужило посещение вместе с Н. М. Коншиным водопада Йматра на юге Финляндии. *Аквило́н* — традиционное поэтическое название холодного северного ветра.

О т ъ е з д (стр. 35). Стихотворение написано в связи с поездкой в Петербург, откуда, как предполагал Баратынский, в Финляндию он уже не вернется. *Феб* — бог солнца

в греческой мифологии, покровитель поэзии и искусств.

Товарищам (стр. 36). *Вакх* — см. прим. к стих. «Уныние» (стр. 28). *Нимфы* — божества, олицетворяющие различные силы природы и обитавшие, по представлениям древних греков, в лесах, горах, водах; здесь: участницы веселых забав.

Дельвигу (стр. 37). *Обёт* — обещание.

Догадка (стр. 38). *Ланиты* (др.-рус.) — щеки.

Эпилог (стр. 39). В издании 1827 года стихотворение заключало отдел элегий — отсюда его название. *Пэни* — упреки, жалобы. *Геликón* — гора в Греции, где, как считали древние, обитают музы; здесь: поэзия.

Признание (стр. 43). Об этой элегии Пушкин писал: «Баратынский — прелесть и чудо; Признание — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...»

Череп (стр. 45). Тема стихотворения восходит к размышлениям Гамлета над черепом бедного Йорика в трагедии Шекспира «Гамлет» и характерна для романтической поэзии первой половины XIX века. В послании Дельвигу «Прими сей череп, Дельвиг, он...» (1827) Пушкин назвал друга «Гамлет-Баратынский».

Звезда (стр. 46). *Очёс* (церк.-слав.) — очей.

Буря (стр. 47). Стихотворение написано осенью 1824 года, как предполагают, под впечатлением морских бурь в Финском заливе. *Геённа* — символическое обозначение ада (геснна огненная).

Песня (стр. 48). *Денница* — утренняя заря. *Эфир* — в представлении древних греков некая стихия, более легкая и подвижная, чем воздух, его верхний, лучезарный слой; здесь: поэтическое название простора небес, высоты неба.

«Отчины враг, слуга царя...» (стр. 50). Эпиграмма направлена против графа *Алексея Андреевича Аракчеева* (1769—1834), проводившего в России политику полицейского деспотизма и реакции, приверженца палоч-

ной дисциплины и муштры в армии, инициатора создания военных поселений. При жизни Баратынского не печаталась.

«Как много ты в немного дней...» (стр. 50). В стихотворении создан яркий психологический портрет *Аграфены Федоровны Закревской* (1799—1879), светской красавицы, жены финляндского генерал-губернатора, в которую, как и многие молодые люди, был влюблен Баратынский. К Закревской относятся и другие стихотворения, например «Уверение» и «Фся». Она выведена в образе Нины, главной героини поэмы «Бал». Ее черты можно встретить и у ряда героинь Пушкина. *Магдалина*. — Поэт имеет в виду известный евангельский персонаж: женщину, кающуюся в своих грехах.

С т а п с ы (стр. 51). *Эпикүр* (341—270 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-материалист. В своем учении утверждал, что истинная природа человека — это способность к ощущениям, а не разум, поэтому главный смысл жизни — получение удовольствий, то есть отсутствие страданий. *Эпиктёт* (ок. 50—138 гг.) — римский философ-стоик, считавший разум высшей человеческой ценностью и утверждавший, что счастье можно обрести независимо от внешних обстоятельств, став внутренне духовно свободным.

Д о р о г а ж и з н и (стр. 51). Годы человеческой жизни уподоблены здесь почтовым (казенным) лошадам, на которых добирались путешественники во времена Баратынского от одной почтовой станции (*корчмы*) до другой, где их меняли. *Прогóны* — плата за проезд.

Д. Д а в ы д о в у (стр. 52). Адресовано поэту-партизану, герою Отечественной войны 1812 года *Денису Васильевичу Давыдову* (1784—1839). Давыдов в числе других хлопотал о присвоении Баратынскому офицерского звания, в его доме поэт познакомился с А. Л. Энгельгардт, своей будущей женой. Знакомство с Давыдовым произошло

летом 1825 года, послание написано осенью. *В народе славной бородой!* — Во время партизанских действий против французов Д. В. Давыдов носил бороду.

Э п и г р а м м а («Что ни болтай, а я великий муж!..») (стр. 53). Направлена против реакционного и беспринципного журналиста и писателя *Фаддея Венедиктовича Булгарина* (1777—1859). Близка известным эпиграммам Пушкина. *Был воином...* — В войнах России с Наполеоном Булгарин сначала состоял в русских войсках, а в 1810 году перешел к французам. *...Судебную бумагу вам начерню, перебелю...* — Булгарин вел судебный процесс своего дяди.

К*** (стр. 54). Стихотворение адресовано известному польскому поэту *Адаму Мицкевичу* (1798—1855), с которым Баратынский встречался в 1826—1829 годах. Стихи Мицкевича тех лет были восторженно встречены в России и вызвали критику в Польше, так как несли в себе яркие приметы романтического направления. *Камёны* — в римской мифологии богини поэзии, искусства и наук (греч. — музы). *Тафтяные* — от тафты, шелковой или хлопчатобумажной ткани с поперечным рубчиком. Баратынский противопоставляет искусственные — матерчатые — цветы лавровому венку как символу истинной поэзии. *Пегас* — в греческой мифологии крылатый конь, спутник поэтического вдохновения.

О н а (стр. 55). По-видимому, стихотворение вдохновлено *Анастасией Львовной Энгельгардт* (1804—1860), на которой в 1826 году женился Баратынский.

С т а н с ы (стр. 55). Стихотворение написано в связи с приездом в Мару весной 1827 года с женой и новорожденной дочерью Александрой. *Судьбой наложенные цепи...* — Имеется в виду служба в Финляндии, освобождение от которой — производство в офицеры и выход в отставку — было для Баратынского равнозначно восстановлению гражданских прав. *Я братьев знал...* — Речь идет о казненном К. Ф. Рылсее и ссыльных В. К. Кюхельбекере и А. А. Бе-

стуже. *Далече бедствують иныя...* — перифраз пушкинского эпиграфа к поэме «Бахчисарайский фонтан» («Иных уж нет, а те далече»), после казни и ссылки декабристов эти слова воспринимались как намек на конкретные исторические события.

П о с л е д н я я с м е р т ь (стр. 57). Очень важное для понимания поэтической философии Баратынского стихотворение. Мысли поэта о возможном развитии и будущем человеческого общества оказались чрезвычайно прозорливыми и звучат сегодня очень актуально. *Весь* (устар.) — деревня, селение («по градам и весям»). *Ора́тай* — см. прим. к стих. «Родина» (стр. 28). *Эмпи́рей* — обиталище богов в античной мифологии и ангелов, блаженных душ в христианской. *Ха́ос* — пустое пространство, существовавшее до создания мира. *Па́жити* (устар.) — пастбища с густой, сочной травой. *Порфи́ра* — здесь: торжественная, царская одежда. *Позо́р* — здесь: зрелище.

Б е с е н о к (стр. 63). *Громобой* — персонаж баллады В. А. Жуковского «Громобой» (1810).

С м е р т ь (стр. 65). *О́стов* — здесь: костяк, скелет. *Согласье прям его лия...* — примиряя распри, раздоры. Текст дан по изд.: Е. А. Баратынский. Полн. собр. стих. — Л.: Сов. писатель, 1957.

В а л ь б о м (стр. 66). Обращено к поэтессе и переводчице *Каролине Карловне Павловой* (*Яниш*, 1807—1894), считавшей себя поэтической ученицей Баратынского.

«*Бывало, отрок, звонким кликом...*» (стр. 68). Стихотворение завершало первую — лирическую — часть сборника 1835 года (сравни со стих. «Эпиллог» — стр. 39).

«*В дни безграничных увлечений...*» (стр. 71). *Алка́л* — жаждал.

Я з ы к о в у (стр. 72). Адресовано поэту *Николаю Михайловичу Языкову* (1803—1846), с которым Баратынский дружески сблизился в конце 1820-х годов. *Камена* —

см. прим. к стих. «К***» (стр. 54). ...*Гроздьем и плющом...* — здесь: символы веселья. *Менáда* — вакханка. *Диадéму и порфýру* — знаки царского достоинства: корона и пурпуровая мантия.

На смерть Гете (стр. 73). Великий немецкий поэт *Иоганн Вольфганг Гете* умер 22 марта 1832 года. *Занé* (церк.-слав.) — ибо, потому что. *Прозябáнье* — от прозябать: расти, произрастать. *Дóльное* — см. прим. к стих. «Финляндия» (стр. 23).

«Наслаждайтесь: все проходит!..» (стр. 75). *Одинáкие крилé* (церк.-слав.) — одинаковые крылья.

«Есть милая страна...» (стр. 77). В стихотворении говорится о Муранове, подмосковной усадьбе Энгельгардтов. Впервые поэт побывал здесь в 1826 году, после женитьбы. В 1841—1842 годах он по собственному проекту построил на месте старого новый дом, в котором часто жил. Ныне Мураново — музей-усадьба Баратынского и Ф. И. Тютчева. ...*В садах Армíдиных...* — здесь: во власти обольстительной красавицы. *Вéжды* (церк.-слав.) — веки. *Я помню ясный, чистый пруд...* — Пейзаж воссоздан очень точно. *Она, которой нет...* — Наталья Львовна Энгельгардт, сестра жены поэта, умершая от чахотки в 1826 году. *Почíй* (устар.) — спи, покойся.

Запустение (стр. 79). Речь идет об усадьбе Баратынских Маре, где поэт гостил осенью 1833 года. Комментарием к стихотворению могут служить воспоминания одного из соседей Баратынских — Б. Н. Чичерина: «Недалеко от дома лежит овраг, покрытый лесом, с бьющим на дне его ключом. Здесь были устроены пруды, каскады, каменный грот, с ведущим к нему из дома потаенным ходом, беседки, мостики, искусно проведенные дорожки. Поэт Баратынский, в своем стихотворении Запустение, в трогательных чертах описывает эту местность, где протекали дни его детства, но которая была более или менее заброшена после смерти его отца, случившейся в 1810 го-

ду». *Дол* — здесь: овраг. *Вотще́* — см. прим. к стих. «Дельвигу» (стр. 31). *Элизей* — здесь: земной рай. *Он не был мыслию, он не был сердцем хладен...* — отец поэта, *Абрам Андреевич Баратынский* (1767—1810). *Далекая могила.* — А. А. Баратынский умер в Москве, где и похоронен.

«Вот верный список впечатлений...» (стр. 80). *Скрыжаль* (скрижаль — др.-рус.) — каменная плита, доска с текстом (священным, культовым); заповедь.

Князю Петру Андреевичу Вяземскому (стр. 82). Это стихотворение — другу и поэтическому соратнику — открывало сборник «Сумерки». Написанное в конце 1834 года, оно было послано Вяземскому вместе с дарственным экземпляром сборника 1835 года. ...*Да скоро минет скорбный час!* — Речь идет о тяжело больной дочери Вяземского Прасковье, с которой он находился тогда за границей (умерла в 1835 г.). *Звезда разрозненной плеяды!* — Едва ли не первым Баратынский употребил это известное ныне выражение в отношении поэтов пушкинского круга, к которому, естественно, причислял себя и Вяземского.

Последний поэт (стр. 83). Одно из программных произведений Баратынского, посвящено гибели искусства в условиях «промышленного» (капиталистического) века. Эта тема в разной степени присутствует во всех стихотворениях сборника «Сумерки». ...*Вновь Эллада ожила...* — В 1830 году многолетняя национально-освободительная война греческого народа против турецкого ига завершилась образованием независимого греческого государства, которое поэт сравнивает с Древней Грецией (Элладой). *Понт* — море. *Омир* — Гомер. *Парнас* — гора в Греции, место обитания, согласно мифологии, Аполлона и муз. *Кастальский ключ* — ручей, источник на горе Парнас; в поэтическом словоупотреблении — источник вдохновения. *Урания* — муза астрономии и математики. *Пажити* — см. прим. к стих. «Последняя смерть» (стр. 57). *Эол* — бог ветров в греческой мифологии. *Афродита* — богиня любви

в греческой мифологии. *Очэс* — см. прим. к стих. «Звезда» (стр. 47). *Праздний вертеп* — здесь: свободное место, пространство. *Аполлón* — в греческой мифологии бог света, жизни и искусств. *Сафó* — знаменитая греческая поэтесса VI века до н. э.; по преданию, бросилась в море с Левкадской (*Левкád* — остров в Греции) скалы из-за неразделенной любви к юноше *Фаóну*.

Н о в и н с к о е (стр. 86). Ранняя редакция стихотворения отразила, по-видимому, какой-то эпизод пребывания Пушкина в Москве осенью 1826 года после возвращения из михайловской ссылки и появления его в Новинском, популярном месте московских гуляний. Для «Сумерек» Баратынский переработал первое четверостишие, поэтому под стихотворением, до этого не печатавшимся, стоят две даты.

«У в ы! Т в о р е ц н е п е р в ы х с и л...» (стр. 88). Эниграмма направлена против исторического романиста *Ивана Ивановича Лажéчника* (1792—1869), роман которого «Басурман» (1838) был напечатан по необычной орфографии. *Неаполь возмутил рыба́рь...* — В июле 1647 года рыбак Мазанинello поднял в Неаполе восстание против испанского владычества и захватил власть, но потом добровольно отказался от нее, посчитав свою миссию выполненной. Этот эпизод нашел отражение в опере «Немая из Портичи» французского композитора Д. Ф. Обера, шедшей в 1830-е годы в Петербурге.

Н е д о н о с о к (стр. 88). Баратынский употребляет слово *недоносок* в качестве перевода французского слова *avorton*, означающего «рожденный до срока», а также «мертворожденный». *Эмпи́рэй* — см. прим. к стих. «Последняя смерть» (стр. 57).

А л к и в и а д (стр. 90). *Алкивиáд* (451—404 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий полководец, отличавшийся самовлюбленностью и честолюбием. Это стихотворение, как и два последующих, написано гекзаметром — античным размером, который использовался в XIX веке

для создания так называемых «антологических» произведений в стиле древних авторов.

«Филида с каждою зимою...» (стр. 91). *Филйда* — условное поэтическое имя, за которым, очевидно, скрывается реальное лицо стареющей светской женщины.

«На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» (стр. 93). *Юдольный* — от *юдоль*: участь; здесь: земной мир, земная жизнь, «юдоль печали».

Коттерие (стр. 94). Стихотворение было включено Баратынским в сборник «Сумерки», но не пропущено цензурой. Направлено против некогда близкого поэту круга московских литераторов, с которыми к началу 1840-х годов у Баратынского возникли серьезные идейные и творческие расхождения и которые, по словам П. А. Плетнева, «клеветали» на поэта и «не ценили его таланта». *Коттэрия* — кружок заговорщиков. Две последние строки — переделка с обратным смыслом евангельского изречения: «Истинно, истинно, говорю вам, где двое или трое соберутся во имя мое, там я среди них».

Ахилл (стр. 94). *Ахйлл* (Ахиллэс) — герой Троянской войны, о которой рассказывается в «Илиаде» Гомера. По преданию, его мать, Фетида, окунула младенца в воды Стикса — река в подземном царстве, что сделало будущего воина неуязвимым, кроме пятки, за которую держала мать.

«Здравствуй, отрок сладкогласный!» (стр. 96). Обращено к старшему сыну поэта Льву по поводу, как свидетельствовал его брат Николай, первой «стихотворной этюды». *Харйты* — в греческой мифологии (в римской — грации) благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни.

«Что за звуки? Мимоходом...» (стр. 96). *Камэна* — см. прим. к стих. «К***» (стр. 54). *Скрыжаль* — см. прим. к стих. «Вот верный список впечатлений...» (стр. 80). Слово «художник» употреблено здесь в значении

«ремесленник в искусстве». *Гóрний клир* — небесный хор.

Скульптор (стр. 97). В основу стихотворения положен миф о Пигмалионе, легендарном царе Кипра, который, живя уединенно, создал из слоновой кости статую прекрасной женщины и страстно полюбил ее. Тронутая такой любовью, Афродита вняла мольбам Пигмалиона и оживила Галатéю, которая стала женой своего создателя и родила ему дочь Па́фос.

О с е н ь (стр. 98). Одна из наиболее известных философских элегий Баратынского, в которой отразились раздумья о трагической доле художника слова, не находящего в людях понимания и сочувствия. Работа над стихотворением совпала с получением известия о смерти Пушкина, которую Баратынский переживал тяжело и глубоко. В последних строфах элегии, ставших непосредственным откликом на это событие, тема поэтического одиночества звучит особенно выразительно. *Зерца́ло* — см. прим. к стих. «Финляндия» (стр. 23). *Э́ол* — здесь: ветер. *Ови́н* — строение для сушки снопов перед молотью. *Цеп* — ручное орудие для молотьи. *Ора́тай* — см. прим. к стих. «Родина» (стр. 31). *Бла́гостыня* (устар.) — вознаграждение, плата. *Торовáтый* — великодушный, щедрый. *Бра́шен* — яств, кушаний. *Три́зна* — поминальное пиршество у древних славян. К строфам 11—13 современник Баратынского — критик С. П. Шевырев давал такое пояснение: «Мысль, развитая далее... есть следующая: чем бы ни кончилось твое разочарование — совершенным ли охлаждением души или, напротив, высшим ее просветлением, знай, что ты не передашь тайну жизни миру. Ее не может обнять земной звук... Если мы ее сами и понимаем, то понимаем только лично, а передать другим не в состоянии». *Гóрний* — небесный. *До́льний* — земной. *Стезя́* — путь, дорога. *Гла́гол* — здесь: поэтическое слово. *Златые́ кла́сы* — золотые колосья.

Благословен святое возвестивший!.. (стр. 104). В стихотворении высказано убеждение Бара-

тынского о необходимости изображать жизнь всесторонне и правдиво. В своих критических статьях он даже сравнивал искусство с наукой, а художника с исследователем, утверждая: обязанность поэта — «истина показаний»; прекрасное — «не что иное, как высочайшая истина»; «что истинно, то нравственно». *Плод яблони со древа упадет...* — Имеется в виду легенда об открытии Ньютоном закона земного тяготения.

Р и ф м а (стр. 105). Стихотворение завершает сборник «Сумерки» и по теме схоже с «Последним поэтом», его открывшим. По содержанию образ поэта, созданный Баратынским, близок «пророку» Пушкина, призванному «глаголом жечь сердца людей», и «пророку» Лермонтова, этими людьми изгнанного. Это еще раз подтверждает, что в стихах Баратынского отразились жгучие проблемы эпохи, которые пытались решить лучшие писатели того времени. *Игры Олимпийские* — празднества-состязания в Древней Греции, ставшие прообразом современного Олимпийского движения во всем мире. *Стóгны* — площади, улицы в городе. *Он пел, питомец муз, он пел среди валов Народа...* — В этих строках отразился малоизвестный факт из биографии древнегреческого историка Геродота, публично читавшего главы из своего сочинения на Олимпийских играх 444 г. до н. э. *Музикыйские* (греч.) — музыкальные, поэтически. *Амвóн* — возвышение, подмости. *Фортуна* — см. прим. к стих. «Родина» (стр. 28). *Витiя* — оратор. *Подобно голубю ковчега...* — По библейскому сказанию, Ной, спасавшийся от всемирного потопа в ковчеге (судно, корабль), после наводнения выпустил голубя, чтобы узнать, сошла ли вода с поверхности земли и далеко ли суша. Голубь вернулся со свежим масличным листом в клюве.

На посев леса (стр. 106). Осенью 1842 года в Муранове Баратынский сажал деревья (сравни в стих. «Родина»: «У брега пасажу лесок уединенный...»). Это событие и стало основой стихотворения. Здесь речь идет

о весне, но это сделано исключительно в поэтических целях, для контраста. *Дольный* — см. прим. к стих. «Финляндия» (стр. 23). *Вéжды* — см. прим. к стих. «Есть милая страна...» (стр. 77). *Праг* — порог. *Пи́йт* — поэт. ...*Сокры-тый ров изрыв...* — Намекая на библейское выражение: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (сравни пословицу: «Не ро́й другому яму, сам в нее попадешь»), Баратынский имеет в виду круг московских литераторов, с которыми он разошелся в последние годы жизни и со стороны которых подозревал скрытые интриги. ...*Да хрящ другой мне будет плодоносен!* — В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля одно из значений слова «хрящ» определяется так: «крупный песок, с самую мелкою галькой»; в стихах Баратынского скудеющая поэтическая почва противопоставляется плодоносной земле, почве («хрящ другой»).

«К о г д а , д и т я и с т р а с т и и с о м н е н ь я...» (стр. 107). Стихотворение написано в Париже и посвящено жене — А. Л. Баратынской.

П и р о с к а ф (стр. 107). Написано во время морского переезда из Франции в Италию, из Марселя в Неаполь. Опубликовано в журнале «Современник» с пометой: «Средиземное море, 1844». *Пироска́ф* (греч.) — пароход. *С детства влекла меня...* — Учась в Пажеском корпусе, Баратынский мечтал о морской службе и просил мать позволить ему испытать себя («Представьте себе, милая маменька, — писал он в Мару осенью 1814 года, — грозную бурю и меня, стоящего на палубе, как бы повелевающего разъяренному морю, доску между мною и смертью, морских чудовищ, дивящихся чудесному орудию — произведению человеческого гения, повелевающего стихиями»). *Днесь* — сегодня, ныне. *Фетída* — в греческой мифологии переида, морская нимфа, мать Ахилла. *Ёмлет* — вынимает. *Ливу́рна* — Ливорно, портовый город в Италии. *Эли́зий земной* — здесь: райская страна, какой представлялась Баратынскому Италия.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. А. Стеллиферовский. Оригинален — ибо мыслит</i>	5
Финляндия	23
Ропот	26
Разлука	—
К<онши>ну («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...»)	27
Уныние	28
Родина	—
Разуверение	31
Дельвигу («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»)	—
К<онши>ну («Пора покинуть, милый друг...»)	32
Добрый совет (Коншину)	33
Водопад	34
Отъезд	35
Товарищам	36
Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»)	37
Догадка	38
Поцелуй	—
Эпиграмма	39
Две доли	40
Размолвка	41
Безнадежность	—
Истина	—
Признание	43

Любовь	45
Череп	—
Звезда	46
Буря	47
Песня («Когда взойдет денница золотая...»)	48
«Отчизны враг, слуга царя...»	50
«Как много ты в немного дней...»	—
Надпись	—
Стансы («В глуши лесов счастливы одни...»)	51
Дорога жизни	—
Д. Давыдову	52
Эпиграмма («Что ни болтай, а я великий муж!..»)	53
К***	54
Эпиграмма («Окогченная летунья...»)	—
Эпиграмма («Как сладить с глупостью глупца?..»)	—
Она	55
Стансы («Судьбой паложенные цени...»)	—
Последняя смерть	57
Фея	61
«Старательно мы наблюдаем свет...»	62
«Мой дар убог, и голос мой не громок...»	—
«Глушцы не чужды вдохновенья...»	63
Бесенок	—
Деревня	64
Смерть	65
«Чудный град порой сольется...»	66
В альбом («По замечанию моему...»)	—
Подражателям	67
Муза	68
«Бывало, отрок, звонким кликом...»	—
«Где сладкий шепот...»	69
«В дни безграничных увлечений...»	71
Языкову	72
На смерть Гете	73
«К чему невольнику мечтания свободы?..»	74
«Наслаждайтесь: все проходит!..»	75
«Когда исчезнет омраченье...»	—
«Болящий дух врачует несноиенье...»	76
«О мысль! тебе удел цветка...»	—
«Есть милая страна, есть угол на земле...»	77
Запустение	79
«Вот верный список впечатлений...»	80

СУМЕРКИ

Князю Петру Андреевичу Вяземскому	82
Последний поэт	83
«Предрассудок! он обломок...»	85
Новинское	86
Приметы	87
«Всегда и в пурпуре и в злате...»	—
«Увы! Творец первых сил!..»	88
Недоносок	—
Алкивиад	90
Ропот	—
Мудрецу	91
«Филида с каждою зимою...»	—
Бокал	—
«Были бури, непогоды...»	93
«На что вы, дщи! Юдольный мир явленья...»	—
Коттерие	94
Ахилл	—
«Сначала мысль, воплощена...»	—
«Еще, как патриарх, не древен я...»	95
«Толпе тревожный день приветен, но страшна...»	—
«Здравствуй, отрок сладкогласный!..»	96
«Что за звуки? Мимоходом...»	—
«Все мысль да мысль! Художник бедный слова!..»	97
Скульптор	—
Осень	98
«Благословен святое возвестивший!..»	104
Рифма	105
<hr/>	
На посев леса	106
«Когда, дитя и страсти и сомненья...»	107
Пироскаф	—
Примечания	111

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

Баратынский Евгений Абрамович

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ответственный редактор

П. А. Пуйкин

Художественный редактор

П. З. Левинская

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина

Корректоры

Л. А. Лазарева и Н. Н. Мокина

ИБ № 7710

Сдано в набор 14.07.89. Подписано к печати 13.11.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 400000 экз. (2-й завод 200001—400000 экз.). Заказ № 2610. Цена 55 к. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Суцеский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Баратынский Е. А.

Б24 Стихотворения/Сост., предисл. и примеч. П. А. Стеллиферовского; Худож. Ю. Игнатьев.— М.: Дет. лит., 1989.— 126 с.: ил.

ISBN 5—08—000912—8

Книга избранных стихотворений известного русского поэта первой половины XIX века. Тексты расположены в хронологическом порядке, что позволяет читателю проследить творческую эволюцию Баратынского. Исключение составили произведения, входящие в последний прижизненный сборник «Сумерки», — они даны в авторской редакции.

Б 4803010101—556
M101(03)-89 099—89

ББК 84P1

скан ewggnig-new

Созданием файла в формате pdf
занимался ewgeniy-new
(июль 2014)